

4. Посвящение Чехову от Начо Дуато. URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/19260
5. Руднев В. П. Прочь от реальности. Исследования по философии текста. М., 2000.
6. Яценков П. В Москве высадили бесконечный сад. URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2010/07/18/517201-v-moskve-vyisadili-beskonechnyy-sad.html>
7. Русским словом Начо Дуато завершил Чеховский фестиваль. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1475932>
8. Гучмазова Л. Балетные спектакли Начо Дуато: тело как песня. URL: <http://www.vashdosug.ru/msk/theatre/article/65261>
9. Маликов Е. Испанская война за русское наследство. URL: <http://old.lgz.ru/article/13662/>
10. Гусева Л. Мучительный сад. URL: <http://l1liu.livejournal.com/128190.html>
11. Intuitive connection between CND's dancers than of Duato's choreographic or narrative prowess. Although the dancers did their best with what they were given, the public exited in droves before the closing curtain touched the stage. URL: <http://www.dancemagazine.com/reviews/March-2010/Compa-Nacional-de-Danza>
12. Витвицкая Н. Бесконечный сад в плену у слов. URL: <http://www.vashdosug.ru/msk/theatre/article/65481/>

References

1. Nacho Duato (Juan Ignacio Duato Barcia), Spanish dancer, choreographer. He worked in the troupe Ballet Kul2 berg (Stockholm), at the Netherlands Dance Theater. Since 1990, is headed by the Spanish National Dance Theatre.
2. Beskonechnyy sad [Infinite garden]. URL: <http://www.chekhovfest.ru/fest/2010/spec/552/>
3. Nacho Duato perevel CHEKhova na yazyk tantsa [Nacho Duato has translated Chekhov on the language of dance]. URL: <http://www.tvkultura.ru/news.html?id=463248&cid=178>
4. Posvyashchenie CHEKhovu ot Nacho Duato [Homage to Chekhov from Nacho Duato]. URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/19260
5. Rudnev V. P. Proch' ot real'nosti. Issledovaniya po filosofiy teksta. [Away from reality. Study on the philosophy of the text]. М., 2000.
6. Yashchenkov P. V Moskve vysadili beskonechnyy sad [In Moscow dropped off infinite garden]. URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2010/07/18/517201-v-moskve-vyisadili-beskonechnyy-sad.html>
7. Russkim slovom Nacho Duato zavershil Chekhovskiy festival' [By Russian word Nacho Duato has completed the Chekhov Festival]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1475932>
8. Guchmazova L. Baletnye spektakli Nacho Duato: telo kak pesnya [Ballet performances Nacho Duato: body as a song]. URL: <http://www.vashdosug.ru/msk/theatre/article/65261>
9. Malikov E. Ispanskaya voyna za russkoe nasledstvo [Spanish war for the Russian legacy]. URL: <http://old.lgz.ru/article/13662/>
10. Guseva L. Muchitel'nyy sad [Agonizing garden]. URL: <http://l1liu.livejournal.com/128190.html>
11. Intuitive connection between CND's dancers than of Duato's choreographic or narrative prowess. Although the dancers did their best with what they were given, the public exited in droves before the closing curtain touched the stage. URL: <http://www.dancemagazine.com/reviews/March-2010/Compa-Nacional-de-Danza>
12. Vitvickaya N. Beskonechnyy sad v plenu u slov [Infinite garden in captivity by the words]. URL: <http://www.vashdosug.ru/msk/theatre/article/65481/>

УДК 82-313.2:2-1

В. В. ЖИЛИНКА

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗНО-СМЫСЛОВОЙ ОППОЗИЦИИ «БОГ / ДЬЯВОЛ» В АНТИУТОПИЧЕСКОМ РОМАНЕ Д. ГЛУХОВСКОГО «БУДУЩЕЕ»

В статье рассматриваются особенности функционирования антиномии «бог / дьявол» в романе Д. Глуховского «Будущее». На примере анализа образов главных персонажей произведения исследуется репрезентация религиозно-христианской тематики в современной антиутопии.

Ключевые слова: Д. Глуховский, бинарная оппозиция, антиутопическое сознание.

UDK 82-313.2:2-1

V. V. ZHILINKA

**IMPLEMENTATION OF THE FIGURATIVE SEMANTIC OPPOSITION
«GOD / DEVIL» IN THE ANTI-UTOPIAN NOVEL BY D. GLUKHOVSKY «FUTURE»**

Article deals with the peculiarities of the binary opposition «god / devil» in the novel by D. Glukhovsky «Future». The representation of religious-Christian subject in contemporary anti-utopian literature are investigated by the example of an analysis of the image of the main characters.

Key words: D. Glukhovsky, binary opposition, anti-utopian consciousness.

Тоталитарная действительность классической антиутопии искажает христианские догматы: подобные произведения демонстрируют, как в массовом сознании вера в бога подменяется верой в вождя, лидера государства – «это может быть ирреальный Старший Брат или ставшие мифическими фигурами и слившиеся в двуединый образ Форд и Фрейд, мистическая, но вполне реальная фигура Благодетеля» [1]. В антиутопическом романе Д. Глуховского «Будущее» рассматривается религиозная концепция обожествления человека как такового, что накладывает свою специфику на реализацию в тексте бинарной оппозиции «бог / дьявол».

Метафизическое бунтарство главного героя романа, Яна Нахтигала, включает в себя богоборческие мотивы, основанные на неприятии им непреложных законов бытия. Он взывает к справедливости и, не находя её, обвиняет бога в бессилии. Ключевую роль в отторжении божественной идеи для героя сыграла его мать, вера которой не спасла её в критический момент и утвердила Нахтигала в бесплезности молитв: «Какой дурой ты была, что доверилась своему деревянному божку, что уговаривала глухого истукана смилостивиться, защитить и спасти» [2]. Образ Бога в монологических внутренних рассуждениях главного героя сознательно принижен и зачастую утрирован. Бог, для которого выражение «свергнутый с пьедестала», по мнению Яна, является слишком громким, скорее всего «сам бежал, сбрив бороду и переодевшись в женское платье, и сейчас бродит где-то среди нас, живёт в кубе два на два на два и хрюкает антидепрессанты на завтрак» (С. 5). В этой метафоре переодевание в женское платье используется не только для сознательного снижения образа бога, но и для возникновения ассоциации с героем Ахиллом, который прятался во дворце царя Ликамеда среди девушек, наряженный как одна из них. Это сравнение подчёркивает связь религии с мифологией, их сближение и взаимопроникновение в художественном пространстве романа. Религия в мире «Будущего» обросла наивными байками, превращаясь в нечто вроде собрания древних преданий, сказок: «Христиане убеждают, что в башне, которая построена на месте Ватикана, есть лифты, курсирующие в Преисподнюю и обратно, а есть такие, что возят праведников прямо в рай» (С. 5). В мире, где главенствует телесное, духовное неизменно оскудевает, и вера становится ненужной: «Впаривать бессмертие души в нынешние времена – дело обречённое. Душой же давно никто не пользуется!» (С. 5). Запустение веры идет наряду с запусением храмов: «Христианский рай, должно быть, такая же унылая дыра, как собор Святого Петра: народу никого, и повсюду слой пыли с палец толщиной» (С. 5). Отношение к богу у Нахтигала алогично и противоречиво – постулируя несуществование божественной сущности, герой одновременно испытывает желание сразиться с ней: «Если бы я и тянулся к старику, то только для того, чтобы врезать ему как следует. Но бог – голограмма, по нему не попасть» (С. 108). Резкость высказываний героя о всевышнем происходит из убеждённости в том, что Иисус и Смерть – две личины одного бога, поскольку именно существование смерти дало церкви возможность спекулировать верой. Христос – «предводитель мертвецов», «коммивояжер с каталогом пустых надежд», по мнению Яна, сам виноват в своём распятии, потому что не захотел его избежать и тем самым «расплатился авансом за наши грехи, которых мы не совершали. Заставил тысячу поколений людей рождаться виноватыми и всю жизнь с процентами возвращать ему этот навязанный кредит» (С. 151).

«Бессмертные не нуждаются в богах», и в романе образ слабого, бесполезного бога контрастирует с образом бессмертных людей – не «homo sapiens», а «homo ultimus», вла-

стелинов жизни и смерти, ярчайшими представителями которых являются члены Партии Бессмертия. Они освободили человека от животной сущности, запрограммированной природой слабости, произвели акт самотворения – овладения своими же пробужденными иррациональными силами, и стали равными богу. Эрих Шрейер – среди них, но в романе он является воплощением дихотомии «бог – дьявол». Эпизод, в котором лидер Партии Бессмертия предлагает Нахтигалью тайное задание, соблазняя его должностью командующего Фаланги, напоминает библейскую сцену искушения Христа Сатаной. Искушение, как в Библии, происходит на вершине горы (на самом верхнем ярусе гигантского небоскрёба), присутствует также и образ пустыни: в данном случае событие совершается на личном песчаном пляже четы Шрейер. Но предложение «мясника, играющего в бога со скотиной» означает грядущее заклятие, что понимает главный герой, и только спекуляция на страхах прошлого заставляет его дать утвердительный ответ. Речь Шрейера обнажает глубинную суть мотивации правящей Партии: «Люди, которые верят новостям, обычно хотят верить и тому, что государство заботится о них. Но расскажи мы им, как именно государство о них заботится, – им станет не по себе» (С. 455). По его мнению, то, чего желают люди, – это знать, что в их мирке всё находится под контролем, и ради собственного спокойствия они готовы поверить в любую ложь, диктуемую с экранов, даже в то, «что в Европе, с ее вековыми устоями демократии и почитания прав человека, Бессмертные – просто вынужденное, временное явление» (С. 455). Такой подход к определению действительности напоминает теорию Великого Инквизитора. Этическая основа этой концепции – утилитарная мораль, которая, согласно классической формулировке Иеремии Бентама, почитает нравственным всё, что служит наибольшему счастью наибольшего количества людей [3]. Проведением этой параллели Глуховский подчёркивает: иерархичность и имморализм переходного состояния социума по мере его трансформации в общество «сверхлюдей» неизбежно внедряют в массовое сознание идею позитивности тотальной организации жизни. Чувство собственного превосходства над слабыми людьми, которое испытывает Шрейер, вписывается в концепцию тоталитаризма – раз люди слишком ничтожны для того, чтобы самим обеспечить себе счастливую жизнь, то необходимо руководить ими в движении к счастью и благополучию. Но карнавальная природа антиутопии проявляет себя, и совращение на ложный путь, предложенный главным отрицательным персонажем, по закону кривых зеркал становится началом освободительного движения духа героя романа и концом диктата элитократического социума.

Хесус Рокамора, чьё имя не случайно напоминает «Иисус», – главный антагонист Шрейера-«Сатаны», оказывается неконкурентоспособным и терпит поражение по всем фронтам: как в личной жизни, так и в политической деятельности. Совершивший «чудо», в сознании религиозной женщины равное «непорочному зачатию», – подаривший ребёнка бесплодной Анне, он поддался страху и сбежал от ответственности, выбрав не духовное, а телесное: «наслаждаться жизнью! Едой! Вином. Женщинами. Приключениями» (С. 499). Основанием для такого поступка стало неверие в существование души и неготовность к жертвенности: «Я люблю свое тело <...> У нас ничего нет, кроме этого» (С. 499). Однако сама жизнь заставляет «отступника» Рокамору раскаяться («внутри – труха <...> Ничего лучше, чем Анна, со мной не случилось» (С. 440)); весь его дальнейший жизненный путь в качестве борца с государственной системой – «тридцать лет демагогии и трусости» – становится попыткой искупления собственного греха. Но история в антиутопии закольцована, и Хесусу суждено снова пройти путём предательства. Лишь в конце ему даётся возможность сыграть позитивную роль – пожертвовав собой, спасти ребёнка, в котором совместились кровь двух поколений любимых им женщин.

Ян Нахтигаль отрицает «сверх-сущность» как себя самого, так и Шрейера, метящего в боги: «думаешь, твое желание вечности – желание быть равным богам <...> Это ведь просто инстинкт самосохранения, раздувшийся, гипертрофированный, уродливый – и самый простой, самый вульгарный из всех инстинктов <...> В этом есть от рептилии, от бактерии, от грибка. Но что в этом от бога?» (С. 475). Попытка оторвать, отгородить себя от природы, противопоставив ей организованность и упорядоченность регламентированной государ-

ством жизни, провозгласить победу *ratio* характерна для антиутопического сознания. Технократическое Единое государство Замятина Зеленой стеной отгорожено от остального мира, естественные условия в Мировом государстве Хаксли остались только в заповедниках-резервациях. Однако именно биологическая, животная сущность человека, связывающая его с природой, даёт возможности для духовного развития героя: «Ты приказал мне вытравить из себя животное, но лучшее из того, что я сделал – сделано мной, потому что так требовали мои инстинкты» (С. 475). Он понимает и принимает идею о том, что люди – не боги и не могут ими стать, потому что они «слишком глупы для вечности». В конце романа, признавая, что его поступок может оказаться неверным, главный герой апеллирует именно к своей человеческой природе: «может быть, я ошибся – но людям свойственно ошибаться» (С. 477). Антиутопия Д. Глуховского, при наличии образов бога и дьявола, имеет ярко выраженную антропоцентрическую направленность, потому что смысловым центром сюжета становится именно вера в Человека, а «божественное» бессмертие в романе трактуется как ложное, соблазнительно-дьявольское, «не-человеческое».

Литература

1. *Тузовский И. Д.* Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий. Челябинск, 2009. С. 209.
2. *Глуховский Д. А.* Будущее. М., 2013. С. 460. Здесь и далее произведение цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.
3. *Бентам И.* Отрывок о правительстве // *Бентам И.* Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательство. Руководство по политической экономии. М., 2015. С. 152–195.

References

1. *Tuzovsky I. D.* Svetloe zavtra? Antiutopiya futurologii i futurologiya antiutopij [Light tomorrow? Anti-utopia futurology and futures anti-utopia]. Chelyabinsk, 2009. S. 209
2. *Gluhovsky D. A.* Budushchee [Future]. M., 2013. S. 460. Here and further work, as quoted in the publication, in parentheses indicates the page.
3. *Bentam I.* Otryvok o pravitel'stve [Fragment on government] // *Bentam I.* Principy zakonodatel'stva. O vliyaniy usloviy vremeni i mesta na zakonodatel'stvo. Rukovodstvo po politicheskoy ekonomiy. M., 2015. S. 152–195.

УДК 659.1

А. Ю. КУЛИКОВ

ВИЗУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ

Статья посвящена методологическим проблемам различных типов визуальной информации в современной рекламе, рассматриваются различные подходы к исследованию разнообразных форм визуальной коммуникации с учетом социально-культурного контекста.

Ключевые слова: актуальная реальность, визуальные коммуникации, визуальная информация, визуальная реклама.

UDK 659.1

A. YU. KULIKOV

VISUAL PICTURE OF THE WORLD IS IN MODERN ADVERTISEMENT

Article is devoted to methodological problems of the various forms of visual information in modern advertising. The article deals with the problem of different methodological approaches to the study of various forms of visual communication, taking into account the socio-cultural context.

Key words: current reality, visual communication, visual information, visual advertising.